

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in traditional Central Asian attire. The woman wears a yellow dress and a white headscarf, while the man wears a yellow tunic, a blue robe, and a turban. They are standing in a courtyard with domed buildings in the background under a night sky with a crescent moon. The title and author information are overlaid on the image.

САМИР

РОМАН О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

ОДИН
ВЗГЛЯД
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ, ЗАРОДИВШАЯСЯ В ДРЕВНЕМ САМАРКАНДЕ

Самир .

Один взгляд на всю жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73539108

SelfPub; 2026

Аннотация

Произведение рассказывает историю первой любви двух молодых людей – Арсен и Лейлы, чья встреча предопределена судьбой. Их отношения развиваются на фоне древнего Самарканда, где каждый камень хранит свою историю. Книга повествует о том, как традиционные ценности, семейные узы и социальные ожидания могут влиять на личные чувства и судьбы людей.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Один взгляд на всю жизнь

Глава

МЕЖДУ ДВУХ БЕРЕГОВ

Роман

«Расстояние – это только расстояние. Оно не решает, любишь ли ты.»

ГЛАВА 1

Рейс задержан

Ночной Ташкентский аэропорт пребывает в особенном оцепенении. Здесь властвует иное время: не глухая темень и не робкий рассвет, а зыбкое межмировье, застывшее в нерешительности перед грядущим днем. Бездушный флуоресцентный свет ровным слоем ложится на всё сущее – на замерших в неудобных позах пассажиров, на гляцевую стойку буфета, на сиротливый фантик от шоколада, – лишая предметы привычных очертаний и превращая реальность в декорацию к затянувшемуся сну.

Нилуфар Ахмедова тонула в этом ожидании уже второй час. Остывший кофе в ее руке – то ли третий, то ли четвертый, счет давно затерялся в тумане усталости – служил лишь для того, чтобы занять пальцы. Рейс на Стамбул ускользал,

отодвигаясь в расписании сначала на два часа, затем еще на один. Информационное табло пульсировало с безжалостным, механическим равнодушием.

В свои двадцать семь Нилуфар уже носила негласный титул надежды «Архпроекта ТТ». Громкая победа в тендере – концепция масштабного комплекса в сердце Стамбула – обернулась для нее назначением на пост главного архитектора. Это был пик, та самая вершина, к которой она упорно карабкалась со студенческой скамьи.

Ей полагалось бы дышать восторгом, ощущать в груди искристое предвкушение новой жизни. Но вместо этого она куталась в тревогу, вспоминая оставленного у соседки кота Марсика, замерший в полупозиции эскиз на рабочем столе и тихий, рефренный мамин голос в трубке: «Ешь вовремя. Береги себя. Обязательно позвони».

– Извините, здесь не занято?

Голос прозвучал негромко и просто – в нем не было ни ложной уверенности, ни скрытой навязчивости. Нилуфар подняла глаза.

Перед ней стоял мужчина лет тридцати с небольшим. Его светло-серое пальто сохранило на себе заломы долгого сидения, а в темном взгляде залегла глубокая, мягкая тень переутомления. В одной руке он сжимал бумажный стакан с дешевым чаем, в другой – лаконичную черную сумку, в каких обычно носят медицинский инструментарий.

– Свободно, – отозвалась Нилуфар, освобождая соседнее

кресло от куртки.

Он опустился рядом, поставил сумку в ногах и, отхлебнув из стакана, невольно поморщился. — Ужасно. — Что именно? — Чай. Совершенно невозможный. — Кофе не лучше, — эхом отозвалась она, вновь обращая взор к панорамному окну.

Там, на разлинованной огнями взлетной полосе, медленно плыл технический автомобиль, тревожно мигая желтым маячком. Гул двигателей доносился снаружи низким, вибрирующим эхом. Из динамиков пролился очередной монотонный голос, возвещающий нечто важное, но Нилуфар не стала вслушиваться, позволяя звукам скользить мимо сознания.

— Стамбул? — негромко спросил спутник спустя несколько минут. — Да. — Стало быть, мы с вами товарищи по ожиданию. Рустам.

Он не сделал официального жеста, не протянул руки. Просто назвал имя — легко и естественно, словно подхватил нить беседы, начатой задолго до этой встречи.

— Нилуфар.

Наступило молчание — из тех редких, благословенных пауз, что не требуют суетливого заполнения словами. Это было уединение двоих, разделенное поровну среди чужого и холодного пространства аэровокзала.

Час спустя Нилуфар извлекла из сумки термос. Мамино напутствие — «возьми, там такого не найдешь» — оказа-

лось пророческим. В крышку-стаканчик полилась ароматная струя: зеленый чай с мятой и терпкой ноткой кардамона, сохранивший домашнее тепло.

– Совсем другой аромат, – заметил Рустам, не открывая глаз. – Это домашний. Хотите?

Он поднял веки, взглянул на предложенное угощение. – Если это не слишком большая жертва с вашей стороны. – Вовсе нет.

Он сделал глоток, и на его лице отразилось мимолетное, почти детское узнавание. – С мятой? – И с кардамоном. – Мама заваривала именно такой. – И моя тоже, – Нилуфар едва заметно улыбнулась. – Дала в дорогу.

Они снова погрузились в тишину, но теперь она была иной – согретой общим воспоминанием и вкусом пряного чая.

– Вы врач? – спросила она, кивнув на его сумку. – Хирург. А вы, должно быть, творец пространств? – Архитектор. Еду в командировку. – А я там живу. Пошел второй год. – Вам нравится?

Рустам замолчал, взвешивая ответ не для приличия, а из внутренней честности. – Работа – безусловно. Сильная клиника, достойные учителя. К остальному... я в процессе привыкания. – Привыкаете или уже привыкли? – уточнила она. – Это ведь разные состояния. – Вы правы, разница принципиальна. Тогда – еще привыкаю. Путь не окончен.

Нилуфар отпила чаю. За стеклом терминала ночь сгустилась до непроницаемой черноты. – Значит, дом все еще тя-

нет назад? – Тянет, – просто подтвердил он. – Разве это не естественное чувство? – Пожалуй. Я тоже буду скучать. Это мой первый долгий отъезд. Как минимум три месяца. – Они пролетят незаметно. – Или потянутся бесконечно, – возразила она. – Все зависит от того, чем они наполнятся. – А чем обычно наполняются будни в чужом городе? – Рустам едва уловимо улыбнулся. – Работа, усталость и – внезапно – что-то светлое. – Оптимистичный сценарий. – Скорее, проверенный опытом.

К трем часам ночи их беседа обрела ту особую доверительность, что случается только между случайными попутчиками. Они перестали экономить слова. Рустам скупно, но емко описывал ритм турецкой клиники, где хирурги действуют с точностью отлаженных механизмов. Нилуфар делилась тревогами о проекте в районе Маслак – попытке вписать «душу» города в холодную геометрию торгового центра.

– А это вообще достижимо? – спросил он задумчиво. – Сохранить характер в месте, предназначенном для потребления? – Это вечная битва архитектора и заказчика, – вздохнула она. – Заказчик жаждет «уникальности», но, столкнувшись с ней лицом к лицу, пугается и требует «чего-нибудь попроще». И на свет рождается очередной безликий гибрид. – Совсем как в моей практике, – отозвался Рустам. – Каким образом? – Пациент грезит о мгновенном исцелении без усилий. Но когда слышит о долгом и болезненном пути к

здоровью, спешит на поиски другого, более «удобного» врача. – И находит? – Порой – да. Но рано или поздно многие возвращаются.

Они замолчали. Нилуфар поймала себя на мысли, что ей импонирует его манера говорить – выверенная, лишённая лишней шелухи. Каждое слово ложилось в лакуны разговора с точностью хорошо подогнанного камня.

В три часа металлический голос возвестил о начале посадки. Они синхронно поднялись, подхватив багаж. В очереди у гейта оказались плечом к плечу – волею случая или по инерции начатого диалога. В салоне самолета их места оказались в разных частях, и, едва оказавшись в кресле, Нилуфар провалилась в сон.

Последнее, что скользнуло в ее гаснущем сознании, была мысль об этом человеке. Удивительный. Станный. Хороший.

ГЛАВА 2

Город в пять утра

Пятичасовой Стамбул встречает путника пронзительным аккордом морской соли и сырого камня.

Нилуфар вышла из чрева терминала, неся в себе ту особую, хрустальную хрупкость, что дарит бессонная ночь. Окружающий мир казался зыбким, свет ламп – неоправданно резким, а многоголосый гул аэропорта Ататюрк – приглушенным, точно доносящимся из-под толщи воды. Этот ис-

полинский хаб не знал пауз: самолеты здесь дышали в унисон с городом, без усталости разрезая предутреннюю мглу.

– Такси? – Рустам возник рядом внезапно, словно материализовавшись из этого сонного марева. – Пожалуй, – отстраненно кивнула она. – Возьмем одну машину. В складчину практичнее, да и в такой час – спокойнее.

Нилуфар собиралась вежливо отказаться, привычно полагаясь лишь на себя, но, взглянув на него, передумала. В его предложении не было ни тени галантного заигрывания или желания навязать свое общество – лишь сухая, обезоруживающая логика.

Стамбул за окном автомобиля проплывал серым, влажным полотном, полным затаенной жизни. Подсвеченные минареты мечетей призрачными маяками парили в тумане. Мелькнула и скрылась за поворотом свинцовая гладь Босфора, прошитая огнями далеких сухогрузов.

– Вы здесь впервые? – негромко спросил Рустам. – Впервые. – Он вам откроется. Не сразу – Стамбул требует поддержки. Но когда это случится, вы его полюбите. – Почему вы считаете, что нужно время? – Он избыточен. Шумный, многоликий, сотканный из противоречий: здесь Азия сталкивается с Европой, вера – со светским духом, а древние камни – с холодным стеклом. Сначала это дезориентирует. Но со временем начинаешь улавливать тайный ритм, в котором всё это сосуществует как единое целое.

Машина нырнула в лабиринт узких улочек Бешикташа.

Старые деревянные дома с плотно сомкнутыми веками-ставнями, безучастная кошка на подоконнике, еще запертый рыбный ресторанчик с выцветшим меню – всё это дышало подлинностью.

– Здесь красиво, – прошептала она. – Особенно сейчас, пока город не захлебнулся в толпе.

Такси замерло у невысокого здания отеля. Когда Нилуфар открыла сумку, Рустам остановил ее коротким жестом. – Не стоит. – Но позвольте... – Вы напоили меня настоящим чаем в аэропорту. Поверьте, в тот момент это стоило дороже любого трансфера. – У вас странная арифметика. – Зато честная.

Она вышла на тротуар, ощущая кожей прикосновение мелкой дождевой пыли. – Удачи вам в операционной. – А вам – в битве за архитектурную правду.

Красные огни такси растворились в рассветных сумерках. Нилуфар стояла, глядя им вслед, и пыталась унять странное чувство узнавания. «Просто усталость, – убеждала она себя, – в чужом городе после бессонной ночи всё кажется значительнее, чем есть на самом деле».

Следующие три дня превратились в затяжной прыжок в работу. Встречи с партнерами напоминали шахматную партию: вежливые улыбки, осторожные реплики, взаимное изучение границ. Турецкие инвесторы, безупречно владея ан-

глийским, всё же предпочитали говорить через посредника – эта маленькая хитрость дарила им драгоценные секунды на раздумья.

Кемаль-бей, главный архитектор с турецкой стороны, человек скупой на эмоции, зрил в самый корень. – Что в вашем понимании главенствует: содержание или форма? – спросил он, испытующе глядя на Нилуфар. – Они не могут враждовать, – спокойно парировала она. – Истинная архитектура рождается там, где форма становится плотью функции, а не декоративной маской, наброшенной сверху.

Едва заметный кивок Кемаль-бея стал для нее высшим знаком признания.

Вечерами она уходила в город. Это не были прогулки праздного туриста – Нилуфар «читала» Стамбул ногами, изучая его синтаксис и пунктуацию. Она впитывала ритм улиц, наблюдая, где людской поток ускоряется, а где замирает, пытаясь разгадать код этого пространства. Стамбул оказался не просто набором контрастов, а сложнейшей мозаикой, где каждый район пульсировал своей правдой: дерзкий Бешикташ с его ароматом кофе, пряный, перенасыщенный Эминёню, богемный и вдумчивый Кадыкёй.

На четвертый день, лавируя между рядами рынка, она внезапно замерла. Рустам стоял у прилавка, изучая томаты с такой сосредоточенностью, словно проводил сложнейшую диагностику.

– Рустам? Он обернулся, и его лицо осветилось той самой

мягкой, искренней улыбкой. – О, архитектор! – Хирург. Вы всегда так серьезно подходите к овощам? – Достойный томат – это фундамент, без которого рухнет любой салат. – Профессиональный перфекционизм? – Скорее, привычка полагаться на собственные руки.

Они пошли в сторону набережной. Разговор тек сам собой – о кошачьей экспансии в городе, о запахах, о древних традициях. – Кошек здесь почитают почти как святых, – рассказывал он. – Это наследие империи. – Марсик бы это оценил, – улыбнулась Нилуфар. – Марсик? – Мой кот. Он сам выбрал это имя. Я перебирала варианты, а он снизошел до ответа только на этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.